

Ся Чжу резко поднял голову и посмотрел на него, в его глазах читалась надежда:

— Братишка, попробуй, я купил твой любимый чай с розовым молоком.

Ся Жуань опустил взгляд. Он прекрасно знал, что Ся Чжу замышляет недоброе: у него была аллергия на розы, и в прошлом году, случайно выпив розового молочного чая, он покрылся сыпью и целую неделю провел под капельницами в больнице, пока не поправился.

Вахтер тоже вставил слово:

— Какой у тебя хороший младший брат! Я не пускал его внутрь, так он даже заплакал, лишь бы передать тебе этот чай.

Лу Цинцзюэ бросил на Ся Чжу равнодушный взгляд, в котором отчетливо проступило глубокое отвращение.

Как ни странно, хотя он сам был человеком фальшивым и двуличным, ему больше нравилась такая простота, как у Ся Жуаня.

Ся Жуань ничего не мог поделать — Лу Цинцзюэ стоял рядом. Он вставил трубочку, опустил голову и сделал крошечный глоток.

— Братишка, вкусно? — с улыбкой спросил Ся Чжу.

Ся Жуань кивнул:

— Угу.

Ся Чжу произнес:

— Тогда братишка обязательно должен допить его.

Ся Жуань отлично понимал: пока он не выпьет этот молочный чай до конца на глазах у Ся Чжу, тот никуда не уйдет. Оперевшись на Лу Цинцзюэ, чтобы сохранить равновесие, он глубоко вздохнул, но не успели его губы коснуться трубочки, как стакан у него из рук забрали.

Ся Жуань повернул голову и посмотрел на Лу Цинцзюэ.

Лу Цинцзюэ кончиком пальца легко погладил стакан с молочным чаем и сказал Ся Чжу:

— Школьный врач запретил ему пить такую гадость.

— И выбрасывать нельзя, — добавил Лу Цинцзюэ. — Так что я выпью за него.

Лу Цинцзюэ выпил почти половину молочного чая прямо на глазах у Ся Чжу, а Ся Жуань ошеломленно смотрел на трубочку во рту парня.

К ней ведь прикасались его губы.

Ся Чжу бросил взгляд на руку, обнимавшую талию Ся Жуаня, а затем на трубочку, зажатую в зубах у парня. Его взгляд на мгновение вспыхнул, и в сердце поднялась еще большая злоба.

Лу Цинцзюэ был человеком, который ревностно оберегал свое: что бы это ни было, стоило вещи или человеку стать его собственностью, как он никому не позволял даже прикоснуться к ним.

Взять хотя бы Ся Жуаня, на котором сейчас красовалось негласное клеймо Лу Цинцзюэ.

Лу Цинцзюэ поднял руку, взглянул на часы на запястье и произнес:

— Нам пора возвращаться.

Ся Жуань тут же кивнул:

— Угу.

— Мне пора в класс, а ты иди домой, — Ся Жуань немного помолчал и добавил: — Не то папа с мамой начнут волноваться.

Ся Чжу хотел было что-то сказать, но, подняв голову, встретился с холодным и мрачным взглядом Лу Цинцзюэ. Ему показалось, будто вся кровь в его теле мгновенно застыла. Ощувив жуткий холод, он не смел поднять глаза во второй раз, поспешно опустил голову и тихо бросил:

— Хорошо.

По дороге в класс, проходя мимо мусорного ведра, Лу Цинцзюэ выбросил остатки недопитого молочного чая.

Затем он достал из кармана влажную салфетку, разорвал упаковку, взял за руку Ся Жуаня — ту самую, которой тот касался стакана, — притянул к себе и тщательно протер каждый палец, после чего взял еще одну салфетку и неторопливо вытер собственные руки.

— Твой младший брат? — Лу Цинцзюэ снова обнял Ся Жуаня за талию.

Ся Жуань все еще пребывал в растерянности: в его голове крутилась сцена того, как Лу Цинцзюэ только что вытирал ему руки, и слов парня он вовсе не услышал.

Не дождавшись ответа, Лу Цинцзюэ слегка нахмурился и опустил на него взгляд.

Ся Жуань чувствовал себя совершенно потерянным и сбитым с толку. За столь долгое время Лу Цинцзюэ был первым человеком, который проявил к нему доброту, да еще и признался, что он ему нравится, а теперь вот вытер ему руки.

Лу Цинцзюэ так относится только к нему одному?

В голове Ся Жуаня роились хаотичные мысли, пока ладонь не пронзила острая боль.

Инстинктивно опустив глаза, он увидел, что пальцы Лу Цинцзюэ легко надавливают на ранку на его руке.

— Все еще болит? — Лу Цинцзюэ снова слегка коснулся ее и, подняв голову, посмотрел на него полными тревоги глазами.

Ся Жуань медленно покачал головой:

— Не болит.

Лу Цинцзюэ улыблся:

— Вот и хорошо.

Он больше не стал расспрашивать про Ся Чжу. Он не спешил: вместо того чтобы допытываться самому, Лу Цинцзюэ хотел, чтобы Ся Жуань рассказал все по собственной воле.

Уроки закончились. Лу Цинцзюэ проводил Ся Жуаня обратно в общежитие. В комнате была отдельная ванная, но принимать душ там не разрешалось. Погода в августе стояла еще очень жаркая, и, просидев весь день в классе, Лу Цинцзюэ налил в таз теплой воды и велел Ся Жуаню обтереться.

Ся Жуань стоял в ванной, прислонившись спиной к стене, и, осторожно двигаясь, чтобы не потревожить жуткую лодыжку, аккуратно стянул с себя одежду.

Сбросив вещи, Ся Жуань пару секунд постоял, опираясь о стену, затем взял полотенце, бросил

его в таз, намочил, отжал и начал обтираться.

Сегодня он пригубил тот молочный чай буквально самую капельку, так что ничего страшного не произошло, разве что на шее выступило покраснение размером с ногтевую пластину.

Ся Жуань как раз согнулся пополам, протирая ноги, когда из-за спины неожиданно раздался голос Лу Цинцзюэ:

— Откуда это?

Ся Жуань испуганно вздрогнул, резко выпрямился и едва устоял на ногах, ухватившись за стену:

— А? Чт... что?

Лу Цинцзюэ:

— Надпись на плече. Кто это сделал?

Ся Жуань мгновенно запаниковал. Все то унижение, которое он так старался подавить и скрыть, Лу Цинцзюэ выставил напоказ, не оставив ему и шанса спрятаться.

Лу Цинцзюэ подошел ближе, обхватил его за плечи, притянул к себе и прижал одну руку прямо к злосчастным буквам.

Тело Ся Жуаня в тот же миг оцепенело. Когда пальцы Лу Цинцзюэ коснулись кожи, он невольно легко задрожал, и перед глазами все поплыло.

Лу Цинцзюэ кончиком пальца чертил контур букв, а его голос по-прежнему звучал холодно:

— Жуань-жуань, скажи мне, кто с тобой так поступил?

Кожа у Ся Жуаня была очень белой, нежной и гладкой на ощупь. Хотя у кого-то и могло возникнуть желание разрушить эту хрупкую красоту, поступать так все же не стоило.

Даже если и наносить какие-то знаки, точно не такие.

— Жуань-жуань, скажи мне, кто это сделал? Кто опередил его и оставил метку на питомце, которого он уже присмотрел для себя?

Помолчав пару секунд, Ся Жуань шмыгнул носом и произнес:

— Линь Тянь.

Лу Цинцзюэ прищурился, в глубине его глаз сгустилась мгла, а в груди застрял тяжелый, не желающий отступать ком.

Было бы лжию сказать, что он не сердится. Какими бы ни были отношения между Ся Жуанем и Линь Тянем, саму мысль о том, что кто-то вырезал надпись на его теле — нечто столь донельзя интимное, — он стерпеть просто не мог.

— Жуань-жуань, мне это не нравится, — Лу Цинцзюэ взял Ся Жуаня за подбородок и, глядя ему прямо в глаза, произнес: — Мне это не нравится.

<http://bllate.org/book/26607/3186174>